

Габриэль
Гарсиа Маркес

ЛЮБЛЮ МУЗЫКУ, НО ПИШУ В ТИШИНЕ

носит революции пользу. Музыка революционна, как литература, как поэзия, если она действительно хороша. Любая красота революционна.

— Есть люди, которые обрушиваются на теленовеллу. Что вы об этом думаете?

— Я спорю с теми, кто относится к телевидению с презрением, кто говорит, что теленовелла — низкопробный жанр. Она стала таковой, потому что мы, писатели, уступили ее низкопробным писателям. Но как все-таки здорово суметь заставить ежедневно в один и тот же час смотреть теленовеллу сразу девять миллионов человек. Культурный импульс, который может прийти через телевидение, поразителен. Думаю, нужно «овладеть» телевидением, не презирать его, а использовать его в качестве орудия культурного воспитания масс. Это и будет по-революционному.

— Я слышал, что писатель Маркес одно время мечтал сочинить болеро...

— Дело не ограничилось одним только желанием. В течение года я пытался написать его с Мансаеро. Было очень трудно. Суметь в пяти-шести строчках передать все, что заключает в себе одно болеро, это, я вам скажу, настоящий литературный подвиг. Мансаеро даже попросил меня написать сюжет, который он облек потом в стихотворную форму, но я сам хотел написать для болеро слова от начала до конца. Аналогичную попытку мы предприняли и с Сильвио Родригесом. В эксперименте с ним мы зашли еще дальше. Я предложил сюжет, а он дал мне на кассете метрику, число слогов в слове, которое может иметь каждый стих, и окончания рифм. Не-

сколько месяцев я пытался что-то сделать, но не смог. Это очень трудно.

— Повлияла ли музыка на ваше творчество?

— В Колумбии есть музыкальный жанр, который называется вальенато. Это разновидность кубинского сона и доминиканского меренге. Первоначально, много лет назад, вальенато было песней-эпосом, в нем целось о каких-то реальных событиях. Авторы вальенато ходили по деревням, узнавали свежие новости и распространяли их, распевая во всеушье. Затем, со временем, вальенато стало очень популярным и даже использовалось в коммерческих целях. Идею написания романа «Сто лет одиночества» мне подсказали именно эти песни. Ведь что такое «Сто лет одиночества»? Не что иное, как вальенато объемом в 450 страниц. То, что сделал я с помощью своих литературных способностей, сочинители вальенато делали при помощи музыкальных инструментов. Я создал свое «вальенато» только за счет более совершенных инструментов.

— Когда вы пишете, вы слушаете музыку?

— Я люблю музыку, и именно поэтому я не могу писать, одновременно слушая музыку, ибо тогда я буду обращать больше внимания на нее, а не на то, что я пишу. Я должен писать в абсолютной тишине. Но, пока я работаю над каким-то произведением, прослушиваю много музыки. Черпаю информацию, материал не только из жизни, из других книг, а из музыки тоже. В зависимости от того, что я пишу, я предпочитают или иную музыку. Когда я писал «Осень патриарха», я прослушал почти всего Белу Бартока.

Каково же было мое удивление, когда мне представили двух незнакомец, которые хотели взять у меня интервью. Они сказали мне: «Мы очень хорошо прочли ваш роман и пришли к выводу, что его структура совпадает со структурой 3-го фортепианного концерта Бартока». Я удивился, так как думал, что у него я позаимствовал лишь несколько эстетических решений. Но потом я понял, что эти люди были правы.

— А какие записи вы собираете?

— От Альбини до Хенрикаса, от барокко до современной экспериментальной музыки. В моей домашней фонотеке есть болеро, рачерас, все, что связано с эпохой Бьенвенидо Гранда, Даниэлем Сантосом, Кико Мендилье, Пересом Прадо, который является моим кумиром, потому что, помимо всего прочего, он стал и музыкальным выразителем идей моего поколения. Я всегда внимательно слежу за музыкой. Никогда не мог понять людей, которые, желая быть образованными, совершенно ею не интересовались.

— А вам самому хотелось бы быть музыкантом или певцом?

— Видите ли, много лет назад в Париже я пел в ночном клубе «Скала», где обычно собирались эмигранты из Латинской Америки. Это было в печально знаменитую для континента эпоху, когда на Кубе правил Батиста, в Санто-Доминго — Трухильо, в Колумбии — Рохас Пинилья, когда господствовали Перес Хименес, Сомоса, Одрна, Стреснер, Перон... Я уже работал тогда журналистом. Написал повесть «Падлая листва» и работал над следующей повестью «Пол-

ковнику никто не пишет». Нужно было на что-то жить. Мы собирались в «Скала» не для пустого времяпрепровождения, а для того, чтобы хоть немного заработать себе на жизнь. Я выступал вместе с венесуэльским художником Сото. Пели мы мексиканские песни, а платили нам примерно по одному доллару за вечер. Но я не уезжал и говорил себе: «Если я смогу обеспечить средний прожиточный минимум, то я выкарабкаюсь».

— А какую кубинскую музыку вы любите слушать, путешествуя по свету?

— Ту, о которой больше всего говорят, музыку движения «Нуэва трова». Может быть, потому, что она больше известна и на Кубе считается музыкальным выражением Революции. Хотя однажды, в разгар карнавала в Сантьяго-де-Куба, я открыл для себя, что, помимо «Нуэва трова», есть и другая музыка. Там выступал один ансамбль, и как же здорово они пели! Это было замечательно! Но когда я воскликнул: «Они превосходны!», мне ответили: «Эта группа скоро разлетится, потому что тот, кто играет на барабане, в этом году получает диплом инженера, а тот, кто играет на саксофоне, будет врачом». И я подумал тогда: как же еще невнимательно относятся к своей музыке кубинцы! Знаете, позже я потратил много времени в поисках пластинок с этой чудесной мелодией, но не нашел ее.

— И, если можно, последний вопрос. Что вы сейчас пишете?

— Только что закончил работу над новым романом.

— Вы хотите что-нибудь сказать о нем?

— Нет, лучше вы его потом купите и прочтете.

О своей любви к музыке, о ее взаимосвязи с литературой рассказал недавно на страницах кубинского журнала «Опиана» известный колумбийский писатель, лауреат Нобелевской премии Габриэль Гарсиа Маркес. Его интервью журналисту Армандо Лопесу с небольшими сокращениями мы предлагаем сегодня нашим читателям.

Одетый в безукоризненно белый костюм, Габриэль Гарсиа Маркес принял меня в назначенный час. Я поблагодарил его и сразу же задал первый вопрос:

— Какой музыке вы отдаете предпочтение: профессиональной или народной?

— Думаю, все, что звучит, это музыка. Затем каждый выбирает то, что ему нравится, а что нет, что хорошо, а что плохо. Мне нравится слушать как популярную музыку, передаваемую по радио, так и концерты Белы Бартока. Меня интересуют всякая музыка.

— Что вы понимаете под выражением «хорошая коммерческая музыка»? Можно ли утверждать, что ансамбль «Битлз» возник как коллектив, пишущий коммерческую музыку?

— Вряд ли. Хотя они стали писать ее в том смысле, что их песни были товаром и пользовались огромным спросом. Думаю, они были первыми, кто поразил масштабами своей популярности и спроса. Со мной произошло примерно то же самое, когда я написал «Сто лет одино-

чества». Я был удивлен, обнаружив, что роман пользовался популярностью. Его раскупали и продолжают раскупать до сих пор. Я написал роман, который не мог не написать. Нисколько не сомневаюсь, что «Битлз» делал то же самое.

— Считаете ли вы, что революционная песня должна способствовать революционному преобразованию общества?

— Здесь происходит примерно то же, что и в литературе, и в поэзии. Есть литература, которая отражает революцию, другая просто продолжает эстетические традиции, обогащая культурное наследие человечества. Я претендую на то, чтобы считать себя революционным писателем. Но в моих книгах вы не найдете ни одного лозунга, ни одного призыва. Однако вы видите, что мои книги читают шоферы, лифтеры, писатели, врачи, священники. Я не стал приносить в жертву литературное достоинство своего произведения, а сделал его достоинством всех. Я искренне убежден в том, что это тоже при-